

ЕВГЕНИЙ ГРУШКО

Любовь на краю мира

Евгений Грушко

Любовь на краю мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860083

ISBN 9785005148070

Аннотация

Детство уже прошло, а взрослая жизнь ещё не наступила. Именно в этом возрасте приходит такое потрясение, как первая любовь. И именно в это время люди впервые оказываются на судьбоносном перекрёстке, когда должны решить, кем они станут и по какому пути пойдут. От этого выбора зависит, что их будет ожидать: счастье или горе, радость или слёзы, боль или спасение... Но есть путь, который может спасти всех.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	39
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	43
ГЛАВА ПЯТАЯ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Любовь на краю мира

Евгений Грушко

© Евгений Грушко, 2020

ISBN 978-5-0051-4807-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всю зиму трое десятиклассников после школы собирались в подъезде, но в тот день они решили перебраться на трубы, что протянулись между районами. В городе ещё лежал снег, но вдоль теплотрассы уже пришла весна: примятое сено желтело на солнце.

– А я тебя вот так! – сказал Константин и бросил туза на стопку карт.

– Ну что за невезуха! – проговорил Дима Лопухов.

– Подставляй лоб, – приказал Костя.

– У меня уже мозг болит.

– Не хочешь, тогда кукарекай.

Лопухов растёр место для удара. Константин положил ладонь на лысину друга, оттянул палец и пробил несколько звонких фофанов.

– У меня сотрясение будет, – поглаживая лоб, сказал тот.

– Было б чему сотрясаться! Давай раздавай!

Рядом с ними сидел Камыш, который получил прозвище за высокий рост и худобу. Он курил, зажимая сигарету в кулаке, будто бы желая согреться, и без особого интереса следил за игрой. Когда уголёк уже обжигал пальцы, он выкинул окурочек и спрятал руки в рукава.

– Холодно. Может, в подъезд пойдём? – предложил он.

– Сала в тебе не хватает, – сказал Лопухов, – вот ты и мёрз-

нешь.

– Мне не хватает пуховика, – проговорил Камыш.

Он был в осенней куртке, которая уже поблекла от времени.

– А знаешь что, – предложил Дима, – ты ляг и обними трубу. Должно потеплеть.

– Пошёл ты! – без злобы сказал Камыш.

Лопухов сгрёб карты, но вдруг посмотрел вдаль и произнёс:

– По-моему, действительно пора валить.

– Что, тоже замёрз? Или сдаёшься? – спросил Костя.

– Да ты оглянись!

Константин посмотрел в сторону соседнего района. По трубам теплотрассы шла компания из десятка человек, в руках некоторых были палки.

– Чёрт, – проговорил он, но в его голосе не было испуга, а только раздражение и недовольство.

– Валим! – выпалил Камыш.

– Сиди, – сказал Костя.

– Да чего «сиди»! Башку проломают!

Камыш спрыгнул на землю и сразу упал, зацепившись за кусок проволоки, торчащей из-под сухой травы. Потом вскарабкался до насыпи, покрытой снегом, и побежал к жилым домам. Несколько человек спрыгнули с трубы и погнались за ним, остальные направились к Константину и Диме.

– Костян, давай, бежим!

Лопухов вскочил на ноги.

– Ну, чего ты ждёшь?! – выкрикнул он.

Бросить друга и убежать было не в дворовых понятиях. Другое дело – бежать вместе.

– Хочешь – беги! – сказал Константин.

Это было своеобразное разрешение отступить от неписанного кодекса, но Лопухов мгновение колебался.

– Блин!

Чувство самосохранения всё же возобладало над желанием сохранить честь, Дима прыгнул с трубы и побежал за Камышом.

Константин же неспешно собрал карты, положил колоду в карман и спустился на землю. И тут его окружили.

Перед ним встал негласный авторитет компании, стриженный под машинку пацанчик лет семнадцати, из-под кожаной куртки по его шее, словно белёсая клякса, поднимался шрам от ожога. Пацанчик плюнул себе под ноги, посмотрел Константину в глаза и спросил:

– А ты чего не убежал?

– А кто ты такой, чтобы я от тебя бегал? – ответил Костя и оглядел толпу.

Пацаны улыбались, и было в их глазах что-то нечеловеческое, животное. Казалось, что они способны с этими улыбками не только забрать деньги и вещи, но ещё и покалечить или убить. От этих взглядов у Константина похолодела спина.

«Надо было убегать», – пронеслось у него в голове.

И тут он увидел знакомое лицо. Это был Губенко – одиннадцатиклассник из его школы.

– Губа, мы же вроде свои, – сказал Костя.

– Свои по спине ползают, – ответил тот.

Он ухмыльнулся и посмотрел на друзей.

– Ты его знаешь? – спросил пацанчик.

– Да так, малой из школы, – отмахнулся Губенко.

И Константин понял, что тот особым авторитетом здесь не пользовался.

– Слышь, а деньги у тебя есть? – спросил чумазый паренёк лет двенадцати на вид.

Он постукивал ножкой от табуретки по ладони, словно взвешивая её. Выглядел он как беспризорник: лицо и руки были измазаны чёрным, будто мазутом, куртка порвана в нескольких местах.

Он подошёл почти вплотную, и до Кости донёсся резкий запах растворителя.

«Дышок!» – догадался Константин, и ему стало ясно, почему тот был такой низкорослый.

Перед ним стоял токсикоман.

– Чего молчишь, я тебя спрашиваю!

Взгляд его был одурманен, и Костя почувствовал к нему отвращение.

– Что, очко прижало? – проговорил пацанчик с ожогом на шее.

В это время «дышок» похлопал Константина по карма-

нам.

– Руки! – произнёс Костя и машинально его оттолкнул. Он никому и никогда не позволял обыскивать его...

Удар прилетел откуда-то сбоку. Потом ещё один, и ещё. Костя отступил на шаг, поднял руки, но удары сыпались со всех сторон. Каждый пропущенный сопровождался звонком в голове, характерными вспышками в глазах и специфическим привкусом в носу. При каждом пропущенном ударе слабели колени. Константин нагнулся – и тут же получил удар ногой. И тогда всё пропало: и чувство страха, и паника, и злорадия. Он провалился во что-то мягкое, будто упал в бассейн, наполненный ватой. Голоса доносились приглушённые. Руки, что обшаривали его карманы, казались ласковыми и заботливыми. Он понимал, что происходит, но ему было в тот момент плевать настолько, что он чувствовал, будто улыбается.

А потом Костя осознал, что лежит на прошлогодней траве и смотрит, как по синему небу медленно плывут облака.

Компания уже давно скрылась из виду, вернувшись по трубам к своему району. Константин сел, и на джинсы закапала кровь. Он попытался вытереть нос, но только размазал кровь по лицу, тогда он шмыгнул, и алые капли брызнули на сено.

– Вот суки! – сказал он вслух.

Потом Костя проверил карманы: ни денег, ни телефона, ни складного ножа, что подарил ему отец. Когда-то это был

просто подарок без повода. Но после его гибели, всё, что напоминало о нём, стало дорогим. Константин вспомнил отцовский взгляд, в котором всегда чувствовалась уверенность и сила, а потом подумал, что теперь его нож лежит в кармане у кого-то другого. И ему стало стыдно. Будто отец оказался свидетелем его позорного проигрыша.

Когда Костя поднялся на ноги, то ему показалось, что он унижен настолько, что даже стал ниже ростом. Но это была только иллюзия, и он должен был её развеять. Он залез на трубу и пошёл по направлению к соседнему району.

Вскоре он их увидел. Компания устроилась там, где тепло-трасса делала поворот, создавая тем самым закуток и скрывая их от посторонних глаз. Судя по разбросанному хламу, это было их постоянным местом сборов в тёплое время года. Тут были разбитые аккумуляторы, видимо, кто-то доставал из них свинцовые пластины, чтобы вылить кастет, тут лежал диск от колеса автомобиля, который использовался как кострище, и валялся прочий строительный мусор, такой как проволока, куски кабелей и арматура.

Пацанчик с ожогом на шее изучал мобильник Константина, сидя в автомобильном кресле. Он уже начал ощущать себя хозяином смартфона, и с его лица не сходила довольная улыбка. Остальные столпились вокруг него. Все были рады трофею, хоть он и достался не им.

– Смотрите! – вдруг выкрикнул «дышок».

Все поглядели в ту сторону, куда он указывал. По трубе

шёл Константин. Пацанчик убрал смартфон в карман и крикнул:

– Эй, «терпила», тебе что, мало?

Костя спрыгнул на землю и с угрозой в голосе произнёс:

– У кого мой нож и мобильник?

– Иди домой! Пока в состоянии ходить!

Константин оглядел толпу. На него смотрели уже другие взгляды: удивлённые и опасливые. Никто не ожидал, что он придёт сюда.

– Не узнаю у кого – поломаю всех, – сказал он. – Отловлю поодиночке.

– Ни хера себе, ты борзый! – усмехнулся пацанчик и встал. – Ты, может, чего попутал? Или тебя ещё раз выключить?

– Я всё равно отловлю каждого. И каждого поломаю.

– Ты чего о себе возомнил? Да я тебя и один уработаю!

Пацанчик снял куртку и бросил её на кресло.

– Серёга, дай ему пару «хлёсток»! – выкрикнул «дышок». – А то совсем берега попутал!

– Ну, ты сам напросился, – сказал тот и грозно посмотрел на Костю.

Он был уверен в своих силах, поэтому позволил себе покуражиться: он поднял руки, встал в боксёрскую стойку и пару раз прыгнул из стороны в сторону выше, чем требовалось. Компания засмеялась. Константину же было не до шуток: колени его тряслись, в руках была слабость, а в голове – остатки

тумана. Он не смотрел в глаза сопернику, а внимательно следил за его движениями. Тот прыгал, изображая боксёра-любителя, а потом приблизился и дёрнул пару раз плечом, пытаясь напугать. Но Константин не стал медлить – и ударил ногой. Стопа воткнулась в грудь пацанчика, и тот упал. Удар произвёл эффект.

– Ни хера себе! – вымолвил кто-то из зрителей.

– Серый, ты чего разлёгся? Давай вставай! – крикнул «дышок».

Серёга поднялся. На его лице уже не было улыбки, и взгляд наполнился злобой.

– Ну, падла! – произнёс он и бросился на соперника.

Костя отступил. Кулаки засверкали перед его лицом, и вновь удары обрушились вспышками. Опять сотрясения, опять искры! Опять привкус в носу! И звон, звон! Он замахал руками в ответ. Кулаки проваливались в воздух. Но вот кость встретилась с твёрдым, руку пронзила боль! А потом вновь пустота... Противник упал.

Никто не проронил ни слова. Константин тяжело дышал. Серёга сел, вытер разбитый нос, посмотрел на испачканную кровью ладонь и произнёс:

– Ну, сука, молись!

Он нащупал кусок арматуры и поднялся. Константин попятился.

– Что, приссал? – проговорил Серёга.

В его глазах было что-то животное, трусливое... и оттого

опасное.

Он махнул палкой – её конец пролетел рядом с лицом Константина. Потом он замахнулся ещё, и Костя кинулся вперёд, закрываясь рукой. Железный прут опустился на кисть и плечо. Руку обожгло. Но Константин всё-таки ударил Серёгу, и тот повалился на спину, выронив арматуру. Костя сел на соперника. За жжением пришло онемение. И он впечатывал удары только правой рукой. Он бил, бил. И хотел вбить голову соперника в землю. Брызнула кровь. Серёга закрыл лицо руками, но Константин продолжал бить и стискивать зубы. А потом он услышал рычание, и только через мгновение понял, что это рычание издаёт он сам. Злоба захлестнула его так, что он уже не мог остановиться.

– Э! Валим его! – выкрикнул кто-то.

Толпа бросилась к Константину, но он схватил арматуру и вскочил на ноги. Лицо его было перекошено от гнева, и во взгляде появилось что-то зверское. Все остановились.

– Ну, кто первый?! – выкрикнул Костя и махнул грозным оружием. – Кто?!

Никто не двинулся, тогда Константин посмотрел на Серёгу и выкрикнул:

– Мобильник и нож!

– Да пошёл ты, – сказал тот.

Костя размахнулся и ударил. Арматура впечаталась в землю рядом с головой пацанчика.

– Мобильник и нож! – повторил Константин. – Не то по-

калечу!

Он замахнулся, чтобы действительно ударить.

– Ладно, ладно! – выкрикнул Серёга и добавил: – Сука, забирай!

Он достал смартфон.

– Нож! Где нож?! – Константин кричал, потому что охваченный яростью говорить он попросту не мог.

– Да он у Губы, – сказал кто-то.

Костя оглядел толпу. Кто-то смотрел на него со страхом, кто-то со злобой, но у некоторых он прочитал во взгляде уважение.

– Он домой ушёл, – ответили ему на незаданный вопрос.

Константин взглянул на соперника. Разбитые губы, разбитый нос, и всюду кровь: кровь на лице, на руках, на траве. Серёга тяжело дышал, из его рта вырывался пар. От переносицы под глаза уже растекались припухлости, изменяя очертания лица, делая его уродливым. И вдруг Костя испугался всего того, что натворил. И ему стало стыдно за то, как бил и как рычал. Он сунул мобильник в карман и пошёл прочь.

– Вообще псих, – услышал он за спиной, вот только тон был скорее уважительный.

Арматуру Константин выкинул, когда подходил к своему району.

Стыд за содеянное прошёл быстро, и на смену ему пришло чувство собственного достоинства и стойкое убеждение, что завтра он обязательно найдёт Губенко.

Но чем ближе он подходил к своему дому, тем меньше ощущал радость, так как предстоял разговор с матерью.

Костя тихонько провернул ключ в замке, вошёл в прихожую и прислушался. В гостиной тикали часы, в кухне гудел холодильник. Матери дома не было.

«И хорошо, – подумал он. – Хоть не придётся ничего объяснять. По крайней мере, сейчас».

Он повесил куртку на вешалку, снял кроссовки и прошёл в ванную.

В зеркале он увидел своё отражение. Лицо выглядело устрашающим: под глазом уже чернел синяк, на щеках темнели размазанные пятна крови. Костя высморкался, и бурые капли оросили эмаль. Потом он открыл кран и сунул ладони под струю, в слив раковины устремился грязно-розовый поток. Сморгаться было больно, и вновь появился специфический привкус в носу. Болела переносица, болели губы, и разбитые пальцы плохо слушались.

Когда он вышел из ванной и прошёл в свою комнату, то вновь увидел отцовский взгляд. Он смотрел на него с фотографии, что стояла в рамке на столе. Она очень нравилась Косте, отец на ней получился таким, каким был в жизни: уверенным и сильным. В форме капитана третьего ранга он стоял на палубе родного эсминца, а позади него бушевало море. Волны были такой величины, что казалось, они вот-вот разобьются и зальют палубу. Но отец держался рукой за фальшборт и улыбался.

Он всегда говорил, что мужчина должен быть сильным. И когда он был рядом, любые трудности оказывались всего лишь задачами, которые нужно было решить. Жизнь была простой и светлой. И казалось, что всё будет хорошо.

Ещё отец говорил, что нельзя давать спуску тем, кто пытается унижить тебя. Но вот Константин отстоял честь, а на душе всё равно было скверно. И ведь не из-за ушибов и ссадин! И не из-за того, что отцовский нож был в чужих руках. Хотя эта мысль ему была очень неприятна. Он не понимал, что с ним происходило, но к горлу подступил ком, и наворачивались слёзы. Это чувство иногда посещало его. В такие минуты ему становилось очень одиноко. И ему хотелось уехать из дома куда-нибудь подальше.

Костя подошёл к окну. На город опускался вечер, зажигались фонари. По проспекту изредка проезжали машины. За дорогой тянулся забор промышленной зоны, а за серыми корпусами оборонного предприятия возвышались стрелки судовых кранов. Небо в той стороне казалось ещё ниже, чем в городе. И в детстве Костя думал, что там кончается мир. А когда он подрос, то понял, что это была правда. За дорогой была гавань, за ней – море и Северный Ледовитый океан. Временами ему казалось, что он физически ощущал близость полюса, и это действовало на него угнетающе. И вот в такие минуты ему хотелось бросить всё и уехать. Уехать куда угодно, лишь бы не видеть этот привычный с детства пейзаж! И тогда на душе становилось совсем тяжело, потому

что уезжать было некуда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наутро, как только Костя проснулся, сразу вспомнилось вчерашнее происшествие – и настроение вмиг испортилось. Захотелось сказать больным, зарыться под одеяло и спать. Но мысль, что нож у Губенко, заставила его встать.

В ванной он оглядел себя: под глазом красовался фингал, чуть выше кисти расплылось фиолетовое пятно, на плече, куда пришёлся удар, чернел перфорированный след арматуры.

«Припечатал как следует, – подумал Костя. – Хорошо хоть руку не сломал».

Он открыл кран и принялся умываться.

А потом разговор с матерью всё же состоялся. Костя уплетал бутерброды и запивал их чаем, а мать сидела напротив.

– Ты мне расскажешь, что случилось? – спросила она.

Первым желанием было рассказать всё, как на духу, но Костя поднял взгляд и вдруг подумал, что она попросту не поймёт.

«Ну как она может понять? Ведь она женщина, и ей никогда не приходилось драться!»

А Косте ещё предстояло сегодня это сделать. Потому что вряд ли Губенко захочет отдать нож просто так.

– Мам, я в норме, – сказал он.

– Я вижу.

– Просто подрался. Обычное дело.

– По-твоему, арматура – обычное дело?! А если бы тебя покалечили?

Костя посмотрел на неё с упрёком.

– Мам, ну чего ты? Не покалечили же.

– Ты посмотри, куда ты катишься? Чем ты занимаешься? Что ты делаешь?!

– А что я делаю? – удивился Костя и улыбнулся. – Я завтракаю.

– Костя, ведь так жить нельзя!

– Почему это нельзя? Очень даже можно, – ответил он с улыбкой.

– Прекрати паясничать! – сказала мама.

Она заглянула ему в глаза и спросила уже спокойным тоном:

– Костя, тебе чего-то не хватает? Тебе плохо?

– Мам, мне хорошо. И мне всего хватает, – ответил он.

Но его слова всё равно её не успокоили. Лена была ещё молодой женщиной, и ей было страшно. После гибели мужа её сын всё больше отдалялся от неё. Он пропадал на улице, всё чаще ввязывался в неприятности и всё меньше разговаривал с ней. Раньше воспитанием занимался муж, но теперь всё лежало на ней. И она не знала, как быть. Вот и теперь он был неприступен и ничего не хотел рассказывать.

Лена вздохнула и произнесла:

– Если отец был бы рядом, ты бы так себя не вёл.

– Если бы он был рядом, то позволил бы мне решать проблемы самому, – ответил Костя.

Лена хотела возразить, но промолчала. Она вспомнила, что муж действительно всегда был за самостоятельность сына, и смягчилась. Она посмотрела на синяк и сказала:

– Может, тональником замазать?

– Может, мне ещё припудриться? – с улыбкой ответил Костя.

Лена всё чаще замечала, что он становился похож на своего отца.

– А как ты себя чувствуешь, не тошнит? Голова не болит?

– Говорю же, я в порядке.

«Ну вот, – подумала Лена, – совсем как Петя».

– Ладно, ешь, – сказала она. – Я после работы зайду в аптеку, куплю мазь от синяков.

Лопухов и Камыш курили возле входа на школьную территорию. Камыш, как обычно, втягивал руки в рукава, зажимая сигарету в кулаке. Казалось, что он и курил только лишь для того, чтобы согреться. Он затаился и выкинул окуроч.

– Ладно, погнали в школу. Холодно.

– Да чего тебе всё холодно-то! – сказал Лопухов, но он тоже порядком промёрз и поэтому приподнял воротник кожаной куртки.

На дороге показался Константин.

– Вон, Костян идёт! – сказал Дима.

Тот подошёл к друзьям.

– Здорово!

– Ну чего, как ты? – спросил Лопухов.

– А сам не видишь? – ответил Костя. – Дай сигарету.

Тот достал пачку. Константин закурил.

– Да уж, хорошо тебе въехали, – сказал Дима, разглядывая фингал под глазом друга.

– Губенко проходил? – спросил Костя.

– Какой?

– Из одиннадцатого.

– Не видел. А что?

– Он вчера мой нож забрал.

– И что?

– Сегодня он мне его вернёт.

Лопухов и Камыш переглянулись. Они знали характер Кости и понимали, что тот способен пойти до конца.

– Слушай, может, забьёшь ты на это? Окучили толпой, с кем не бывает, – сказал Камыш.

Во взгляде Кости мелькнула ненависть.

– Забить?!

– Костян, они всё-таки старшие, – пояснил Камыш, – от них потом проблем не оберёшься.

– Каких проблем?! Тех, что были вчера?! Так не страшно – переживу!

Константин выкинул сигарету и пошёл к школе.

«Тоже мне друзья! – подумал он. – Ссыкуны! Лопух ещё

хоть сомневался, а Камыш убежал и глазом не моргнул!»

Друзья посмотрели ему вслед.

– Нехорошо получилось, – проговорил Лопухов.

– Ты о чём? – не понял Камыш.

– Зря вчера мы не остались с ним.

– Это зря Костян с нами не побежал. Включил героя – и получил!

Дима понимал, что Камыш в чём-то прав, но всё же чувствовал, что не стоило им вчера убежать.

– Не знаю, – сказал он, – как-то это не по-пацански.

Первым уроком у Константина была физкультура, на которую он редко ходил. Изменять традиции сегодня он не собирался, и вместо того чтобы идти в спортзал, изучал расписание одиннадцатого «А», в котором учился Губенко. С холода валили ученики, кругом резвилась малышня. Один пятиклашка подбежал к другому и стукнул его по голове «сменкой», а когда стал убежать, то налетел на Константина.

– Слышь! Сейчас как!.. – припугнул Костя, но ребятня уже убежала.

И тут он заметил маленького мальчика. Он сидел на скамейке и силился снять ботинок, но тот не поддавался, и на глаза малыша уже наворачивались слёзы. Константин подошёл к нему.

– Ты чего, малой?

– Узел завязался, – сказал паренёк с такой обидой в голо-

се, будто это было самое большое испытание в его жизни.

– Давай помогу.

Костя присел на корточки и принялся развязывать узел.

– Да не расстраивайся ты так! Подумаешь!

– Я на урок опоздаю.

– Нашёл из-за чего переживать! – сказал Костя и улыбнулся.

Малыш немного успокоился и принялся разглядывать его лицо.

– Тебя побили?

Костя кивнул.

– А это больно?

– Ерунда!

Когда шнурок был развязан, прозвенел звонок.

– Всё, малой, шуруй в класс!

Рядом на скамейку упала спортивная сумка. Константин поднял взгляд и увидел одноклассницу – Снигирёву Татьяну.

– Привет, – сказала она, расстегивая молнию на куртке.

– Хелоу! – ответил он с некоторой небрежностью и встал.

Они никогда не были дружны, более того, казалось, что они жили в разных мирах. То, что было важно для Татьяны, Костю не интересовало, а что было важно для него, ей казалось ерундой.

– Что это ты на физкультуру пришёл? – спросила она, и в её тоне послышалась ирония, но тут она заметила синяк на его лице и добавила: – Кто это тебя так?

- Какая тебе разница?
 - Да так, – Таня пожала плечами.
 - Так? Ну и вали!
 - Видать, не зря тебе наваляли.
- Татьяна взяла сумку и пошла в гардероб.

Вскоре ученики разбрелись по классам, и школьные коридоры опустели. Константин подошёл к кабинету и заглянул в замочную скважину. Он сразу же увидел Губенко, тот сидел за последней партой.

«Если ждать перемены, – подумал Костя, – то за Губу впишутся его дружки».

В коридоре появился малыш, который не мог развязать шнурок. Он испугался и спрятался за поворотом, но Костя его заметил.

– О, малой! Ты чего здесь?

Малыш узнал Костю и вышел из-за угла.

– Я на урок опоздал, а учительница будет ругаться.

– Слушай, может, ты мне поможешь?

– А как?

– Зайди в этот кабинет и скажи учительнице, что Губенко вызывают к медсестре. Понял?

– А там какой класс?

– Одиннадцатый.

Костя увидел в глазах паренька испуг.

– Да ты не бойся, они первоклашек не обижают.

– Я во втором, – с гордостью сказал малыш.

– И второклашек тоже, – Костя улыбнулся. – Ну что, можешь?

Тот подумал и сказал:

– Губенко?

– Ага.

– А ты меня будешь защищать?

– Буду.

– Тогда договорились.

Второклашка смело вошёл в класс, набрал в лёгкие побольше воздуха, а когда хотел выпалить задуманную фразу, то увидел, что преподавателя в кабинете нет. Он оглядел старшеклассников и растерялся, попятился к двери, но упёрся в стену, да так и остался стоять.

– Тебе кого, малыш? – спросила девушка, что сидела за первой партой.

– Губенко. Его вызывают к медсестре, – сказал тот.

Губенко отвлёкся от разговора с соседом и выкрикнул:

– Скажи ей, что ты его не нашёл!

Малыш вышел из класса.

– Ну, что? – спросил Костя.

– Его нет, – ответил тот.

– Как нет? А что учительница сказала?

– И её тоже нет.

– Понятно. Ладно, беги!

Костя решил, что придётся ждать конца урока, но вдруг

послышался тяжелый стук каблуков. В коридоре появилась грузная женщина сорока пяти лет – завуч и учительница химии в одном лице. Она-то и должна была вести урок у Губенко.

– Так, Александров, ты почему не на уроке? – спросила она. – Что у тебя с лицом?

– Вера Петровна, меня медсестра прислала. Губенко вызывают в медкабинет, – сказал Костя.

– Да? А с каких это пор ты на посылках?

Завуч посмотрела на него с подозрением, но всё же ушла в кабинет.

Через минуту вышел Губенко.

– Губа! – окликнул его Константин.

Тот оглянулся.

– А, это ты, – проговорил он. – Чего тебе?

– У тебя мой нож. Его надо вернуть.

Губа мгновение подумал и посмотрел на Костю так, будто присматривался к нему.

– Ты уверен? – спросил он.

– Более чем.

Губенко достал из кармана нож и открыл лезвие.

– Ну раз ты такой борзый, так подойди и возьми, – сказал он и добавил: – Если не ссышь.

А в спортзале одноклассники Кости играли в волейбол. На площадке негласно руководили своими командами Та-

ня Снигирёва и Алексей Родионов. Вот уже несколько лет они вместе ходили в одну секцию лёгкой атлетики. Лёша был широкоплечий и рослый, поэтому он специализировался на прыжках в высоту. А Татьяна делала успехи в беге на короткие дистанции. В жизни они дружили, но на физкультуре всегда играли за разные команды и соперничали с таким азартом, на какой способны только спортсмены.

Разводящий принял пас и выкинул мячик над сеткой. Алексей подпрыгнул. Хлёсткий удар! И кожаная сфера со звоном устремилась во вражескую половину поля – и попала в бедро Эли Киселёвой.

– Ай! – вскрикнула та. – Ты что делаешь?!

Эля была хрупкой девушкой и скорее старалась увернуться от мяча, чем принять его. Азарта ребят она не разделяла. В физкультуре её привлекал вовсе не спорт, а возможность покрасоваться в обтягивающих шортиках, чтобы парни не сводили с неё глаз.

– Эля, извини, – проговорил Лёша.

– Лось! – выпалила та.

У неё навернулись слёзы, и она вышла из спортзала. Алексей виновато посмотрел ей вслед. Ему хотелось пойти за ней, но он остался на площадке. А Татьяна заметила его взгляд и вдруг рассердилась:

– Лёша, подавай!

Тем временем Владимир Николаевич ходил за журналом в учительскую, а когда вернулся, то застал Элю в коридоре.

Та плакала и растирала бедро ладошкой.

– Эля, что случилось? – спросил физрук.

– Родионов ударил.

– Как?!

– Мячом.

– А что ж ты плачешь? – физрук улыбнулся.

– У меня синяк теперь будет, – сказала Эля с обидой в голосе.

И тут в коридоре появилась Вера Петровна. Она почти бежала, впечатывая каблуки в пол.

– Вы медсестру не видели? – выпалила она. – Где её носит в рабочее время!

– Что стряслось?! – спросил физрук.

– Поножовщина!

– Так, Эля, иди в спортзал, – сказал Владимир Николаевич.

Взрослые пошли по коридору.

– Я в учительскую пошла за журналом, – стала объяснять Вера Петровна, – выхожу, а он стоит с ножом. Второй на полу сидит. И кровь кругом! Ужас! Я дар речи потеряла, думаю, лишь бы на меня не бросился. А он смотрит! И глазницы дикие!

Эля вошла в спортзал и сообщила:

– А завуч сказала, что кто-то устроил поножовщину.

– Да ладно! – проговорил Лопухов.

– Ты не шутишь? – спросила Татьяна.

– По-твоему это смешно? – сказала Эля.

Директор, плотный мужчина пятидесяти лет, сидел за столом в своём кабинете и грозно глядел на учеников. Константин стоял напротив. Губенко сидел на стуле, запрокинув голову и зажимая нос рукой. Нож, из-за которого произошла драка, лежал на директорском столе. Лезвие его было чистое и незапачканное кровью. В кабинет вошли завуч и Владимир Николаевич.

– Кирилл Андреевич, что произошло? – спросил физрук.

– Да вот, Владимир, устроили разборку.

Физрук бросил беглый взгляд на Константина и подошёл к Губенко, потрогал его нос.

– А! – прогнусавил тот.

– Нос цел. Ничего страшного, – сказал физрук и посмотрел на Веру Петровну. – Что ж вы панику поднимаете?

– Да если бы не я, они порезали бы друг друга! – проговорила та.

– Ага, а потом ещё школу взорвали бы, – сказал Губа.

– Ты, Губенко, помолчи! Дали по носу – значит, мало дали! – выпалила Вера Петровна и указала на Костю. – А этот! Александров! Это уже ни в какие ворота! Нагло, я бы даже сказала, хладнокровно обманул завуча! Вырвал ученика с урока! Устроил поножовщину!

– Вера Петровна, поножовщина – это когда есть ножевые ранения, – сказал физрук.

– Значит, устроил бы! – не унималась та. – Я двадцать лет в школе, но чтобы такое! Нину Васильевну довели до приступа, теперь за меня взялись!

– Губенко, кто начал драку? – спросил директор.

– Кирилл Андреевич, поверьте, я ни при чём, – сказал Губа таким тоном, будто говорил абсолютно искренне. – И вообще я ничего не видел.

– Вот, пожалуйста! – сказала завуч. – Уголовники!

– Так! – директор стукнул ладонью по столу, – Вера Петровна, почему вы ещё не на уроке?!

Он указал на Губенко.

– И вообще, отведите его в медпункт!

– Медсестры же всё равно нет, – растерялась завуч.

– Пусть тогда подождёт её в коридоре!

Губенко встал, зажимая нос рукой.

– Ну ты мне ещё ответишь, – тихо произнёс он, проходя мимо Константина.

Тот ухмыльнулся и сказал:

– Отвечу, отвечу.

Когда Губенко и завуч вышли из кабинета, директор посмотрел на Костю.

– Я не пойму, чего ты всё улыбишься? – спросил он.

– Потому что мой нож лежит на вашем столе.

– Значит, ты подтверждаешь, что нож твой?

– Подтверждаю.

– И что обманул завуча и вызвал с урока Губенко? Что

подкараулил его с ножом?

Константин опустил взгляд, такая постановка вопроса совсем его не радовала.

– Ты понимаешь, что тут вызовом родителей не отделаешься? – спросил директор.

Костя прекрасно это понимал.

– Ты у меня не только из школы полетишь, ты у меня на зону поедешь! – продолжал директор.

– Кирилл, подожди с зоной, – сказал физрук и обратился к Константину: – Костя, давай по-мужски. Скажи, за что ты ему вмазал?

– Я хотел вернуть нож, – ответил тот. – Это подарок отца.

– Значит, нож был у Губенко? Это он на тебя с ним пошёл? – спросил физрук.

Константин молчал.

– Ну что ты молчишь? Ты что, не понимаешь, что это в корне меняет дело?

Костя хорошо это понимал, но он не хотел обвинять Губенко в попытке устроить поножовщину.

– Я к нему претензий не имею. И он, думаю, ко мне тоже.

– Зато мы имеем! – выкрикнул директор. – Такие претензии, что мало не покажется! Всё! Выйди и подожди за дверью!

– Нож верните.

– Пошёл вон!

Когда Костя вышел в коридор, то обнаружил, что его здесь

ждали Лопухов и Татьяна.

– Ну чего, Костян, что сказали? – спросил Дима.

Константин сел на корточки и прислонился к стене.

– Я тебе говорю, ты вообще красава! – продолжил тот. – Как надо разукрасил Губу! Уработал – будь здоров! Он теперь надолго запомнит!

Константин молчал, а Лопухов, чувствуя вину за вчерашнее, хотел как-то поддержать друга:

– Костян, чего ты скис?

– Слушай, Лопух, что ты у меня над душой стоишь?

– А что?

Константин закрыл глаза. И Дима понял, что сказал лишнее и почувствовал себя ещё больше виноватым.

– Ну ладно, – сказал он, – скоро звонок. Я погнал переодеваться.

Когда он ушёл, Татьяна спросила:

– Костя, что там решили?

– Шла бы ты тоже! – проговорил он, не открывая глаз.

– Что ты мне грубишь? – сказала Татьяна.

Костя поднял взгляд.

– Да это вообще не твоё дело!

– Лопухов сказал, тебя побили толпой. И забрали вещи.

Это правда?

– Лопухов – базарная баба!

– Ну как знаешь! – Татьяна пожала плечами и вошла в кабинет.

Это произошло так неожиданно, что Костя ничего не успел сказать. Он встал, но входить в кабинет не решился.

Потом он ходил по коридору и ждал, но через пару минут всё же не выдержал и вошёл в приёмную. Здесь за столом работала секретарша, Костя тихонечко приоткрыл дверь в кабинет.

Татьяна стояла перед Кириллом Андреевичем и говорила:
– Ведь вы директор школы, а не надзиратель. Ваша работа – учить людей, воспитывать, а не наказывать. Вы же понимаете, что этот нож для Кости – не оружие, а подарок отца. И он хотел его вернуть. Он не собирался никого резать. И не порезал.

Секретарша отвлеклась от работы и посмотрела на Костю.
– Мальчик, закрой дверь. И подожди в коридоре, когда тебя вызовут, – сказала она.

Когда Татьяна вышла от директора, Константин сидел на корточках возле двери. Он встал, но Таня бросила на него сердитый взгляд и ушла. Следом за ней из кабинета вышел физрук.

– В общем, считай, что тебе объявили устное предупреждение, – сказал он. – Скажи спасибо Татьяне. А нож я тебе после уроков отдам.

Вскоре прозвенел звонок. Дверь распахнулась, и с радостным криком выбежал мальчуган. За ним поспешили его одноклассники. И только потом в рекреацию стали выхо-

дить девочки. Началась перемена. И вновь школьные коридоры наполнились гулом и визгом. И вновь мелюзга носилась по рекреациям.

«Получается, что Татьяна заступилась за меня, – думал Константин. – Но зачем? Почему она это сделала?»

– Да она просто влюбилась в тебя! – сказал Лопухов после того, как Костя ему всё рассказал.

– Думаешь?

– Конечно! Иначе зачем ей тебе помогать?

На следующем уроке Костя наблюдал за Татьяной. Он вглядывался в неё, надеясь найти ответ в её глазах. Но она, то смотрела в учебник, то писала в тетради, изредка переговариваясь с Элей Киселёвой. Только один раз она посмотрела в его сторону, но встретившись с его взглядом, тут же отвела глаза. И ему показалось, что было в них что-то большее, чем просто взгляд одноклассницы. Потом, на перемене, когда они вместе с Лопуховым были за территорией школы, в окне второго этажа он увидел Татьяну, которая, как ему показалось, наблюдала за ними. И только на шестом уроке всё встало на свои места.

Они писали контрольную по алгебре. Учительница ходила по классу и следила за тем, чтобы никто не списывал, и вдруг обратилась к Татьяне:

– Снигирёва.

Но та не ответила. И тогда Костя оторвал взгляд от тетради и увидел, что Таня смотрит на него так пристально, будто

силятся что-то прочитать в его глазах.

– Снигирёва! – повторила учительница.

Татьяна будто очнулась и посмотрела на неё.

– Ты уже всё решила? – спросила Ирина Сергеевна.

– Нет, – ответила Татьяна и вернулась к решению задачи.

– На носу конец года, а что у тебя на уме?

Таня ничего не ответила. Она взяла ручку и принялась писать в тетради, но Костя заметил, что её щёки покрыл румянец. И ему всё стало ясно.

«Она действительно влюблена в меня! – подумал он и вдруг обрадовался. – Как же так? Таня Снигирёва! Такая серьёзная и ответственная! Такая умница! И влюбилась в меня?!»

– Александров, – обратилась учительница к нему, – может быть, ты уже всё решил?

– Нет, – ответил он.

– Тогда нечего так улыбаться. Скоро звонок.

Но ему уже было не до контрольной. Он посмотрел в окно... и то ли оттого, что солнце выглянуло из-за облаков, то ли потому, что воробьи расчирикались, словно сумасшедшие, но он почувствовал, что уже наступала весна, и на душе у него сделалось празднично.

Когда прозвенел звонок, все сдали работы и устремились на выход, а Костя пошёл в спортзал.

После занятий здесь было тише, чем в школьных коридорах, и шаги отдавались еле различимым эхом. Владимир Ни-

колаевич был в тренерской, в маленькой комнате в глубине школы, уставленной спортивным инвентарём. И здесь было ещё тише, чем в зале. Только поскрипывало старое кресло, и гулко шуршала шариковая ручка: физрук заполнял журнал.

Костя никогда не относился к нему, как к педагогу. Да и не был он на них похож. В спортивном костюме и со свистком на шее он всегда был в хорошем расположении духа. Он любил пошутить и часто подбадривал учеников, но, несмотря на его весёлый нрав, Косте он всегда казался более рассудительным, чем остальные преподаватели. Может быть, потому что он не твердил изо дня в день заученный урок, не ругал за прогулы, да и ничего не задавал на дом. А может быть, потому что вёл он себя совсем не как взрослый. Хотя сколько Константин ни гадал, но всё равно не мог определить его возраст. Мимические морщинки на лице физрука говорили, что ему было уже за сорок или даже под пятьдесят. Но по лёгкой походке и спортивному телосложению ему нельзя было дать больше тридцати.

Когда Костя вошёл в тренерскую, Владимир Николаевич посмотрел на него и улыбнулся.

– А, Константин, – сказал он. – Проходи. Чай будешь?

– Да нет, спасибо, – ответил Костя и оглядел комнату.

Здесь среди спортивного инвентаря стояли кубки и грамоты в рамках, на полке лежали медали. И Константину показалось странным, что они были не на стенде в вестибюле,

а в этой комнатухе. Казалось, что их здесь попросту позабыли.

– Чьи они? – спросил он, указывая на дипломы.

– Наши, – ответил физрук. – Нашей школы.

– А я думал, это вы постарались.

Владимир Николаевич уловил в его голосе усмешку и парировал:

– А ты что на физкультуру не ходишь?

Константин промолчал. Но Владимиру Николаевичу и так всё было понятно: физкультура – это не математика, и Костя достаточно крепкий парень, чтобы спокойно сдать любой зачёт.

Он открыл ящик стола и достал нож.

– Вот, держи. И впредь будь аккуратней. Ты уже не в том возрасте, чтобы драться. За это можно и в тюрьму угодить.

– Спасибо, – сказал Константин и взял нож со стола.

И когда рукоятка привычно легла в ладонь, он почувствовал себя победителем.

– И приходи на физкультуру, – сказал Владимир Николаевич. – Будем в волейбол играть.

– Я подумаю.

– Я тебе зачёт не поставлю, вот тогда ты подумаешь! – физрук усмехнулся.

Костя знал, что с Владимиром Николаевичем проблем не будет, поэтому улыбнулся в ответ.

– Ладно. Приду.

Татьяна вышла из гардероба. Она надела куртку, взяла со скамейки спортивную сумку, закинула её на плечо и вышла на улицу. Когда она была на крыльце, её догнал Константин.

– Тань, подожди, – окликнул он.

Она остановилась.

– Ну, чего тебе?

В её тоне послышалось раздражение, и Костя растерялся:

– Да я...

– Говори быстрее. Я на тренировку опаздываю.

– Я хотел сказать спасибо.

– Всё?

– Да.

– Ну пока!

Татьяна легко пробежала по ступенькам, а Костя посмотрел ей вслед и подумал:

«Почему же я раньше не замечал, что она такая красивая?»

Татьяна шла через двор грациозная, гармонично сложенная, и в её походке ощущалась гибкость. Даже издали в ней можно было узнать спортсменку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Весь вечер Константин думал о Тане.

«А ведь заступилась за меня. Не сестра и не подруга, совершенно чужая, но заступилась тогда, когда никому не было дела».

Камыша он считал просто приятелем, но вот Дима был ему ближе всех.

«И он тоже убежал! И даже когда он знал, что я иду разобраться с Губенко, то спокойно играл себе в волейбольчик! – размышлял Костя. – Потому что ему было плевать! А Тане было не плевать».

Константин впервые почувствовал, что какая-то девушка была равнодушна к нему. И он отметил, что это ощущение было очень приятное.

Тогда он впервые заглянул на Танину страничку в сети. И вновь его удивило, что прежде он не замечал, как она была привлекательна. У неё было много фотографий, сделанных в легкоатлетическом манеже и на стадионе. Её окружали ребята и девчонки из команды. И все они на снимках казались такими дружными и счастливыми, что Костя им позавидовал. Среди них было много притягательных девушек, но красивей всех была Таня. В обтягивающих шортиках, топики и белых гольфах она выглядела просто потрясающе! Подтянутая, спортивная... в ней не было ничего лишнего!

Были у неё и школьные фотографии. Одна из них Косте особенно нравилась. Таня сидела за партой и, склонив голову, смотрела в объектив. В окно кабинета лился солнечный свет, отчего волосы струились золотом, кожа приобретала персиковый оттенок, а глаза сияли лазурью. Свет мягко ложился на нежные губы, и лицо казалось ангельским.

Каждый день Костя рассматривал её фотографии. Было во взгляде Тани что-то неуловимое, из-за чего он чувствовал в груди тепло.

«А что, если и вправду мы будем вместе?» – думал он.

И тогда Костя представлял, как они стали бы встречаться. Как вместе бы проводили время, как ходили бы на свидания. Они бы никогда не ссорились и были бы неразлучны.

А потом он заметил, что думает о ней постоянно. Думает в школе. Думает, когда гуляет. Думает, когда ложится спать.

И однажды, идя к Лопухову, чтобы вытащить его на улицу, вдалеке он увидел Таню. И что-то заставило его пойти за ней.

Её походка была мягкой и уверенной. Синие джинсы, белая куртка и спортивная сумка на плече: Костя смотрел на эту фигурку и не мог оторвать от неё взгляд. Неведомая сила заставляла идти за Таней, но эта же сила не давала окликнуть её. Так он и плёлся за ней до манежа, где она тренировалась. А потом, когда она скрылась в дверях спорт-комплекса, он ещё долго стоял и чего-то ждал.

В сквере каркали вороны. Кое-где ещё лежал мокрый

снег, а где-то уже чернела земля. Деревья стояли в талой воде, и лёгкий ветерок гнал по ледяным лужам рябь. Костя не понимал, что заставило его сюда прийти. Поэтому он почувствовал себя глупо, и на душе стало тоскливо. Он озяб, и его взяла дрожь.

А на следующий день Татьяна была ещё притягательней, и Костя не сводил с неё глаз.

На геометрии она сидела в соседнем ряду, так что он мог за ней наблюдать. Таня взяла линейку и карандаш, а когда склонилась над тетрадью, то ей на лицо упала прядь волос. Она привычно зачесала её за ухо, открыв при этом нежную шею. Верхние пуговицы её блузки были расстёгнуты. На тоненькой цепочке, обнаруживающей изгиб ключиц, поблёскивал зелёный кулончик в виде сердца. И было во всём этом: и в наклоне головы, и в нежной шее, и в этих ключицах – столько женственности, что Костя испытал почти непреодолимое желание притянуть это нежное создание к себе и обнять, но тут же испугался порыва, будто бы она была настолько нежной и хрупкой, что он непременно бы причинил ей боль. Что-то защемило в груди тягостное, ноющее, и Костя понял, что ощущает это странное чувство уже не первый день.

Татьяна тронула шею, будто почувствовав на себе взгляд, и посмотрела на него. Она заглянула ему в глаза буквально на миг, но во взгляде мелькнуло что-то близкое и почти родное, и он вдруг осознал, что – влюблён в неё.

Татьяна вновь склонила голову над тетрадью, а Костя, пораженный открытием, прислушался к чувствам.

«Неужели... это и есть любовь? Неужели я влюбился? – задавал он вопрос, и сам же отвечал: – Да, это случилось. Ведь я люблю её».

Сердце в груди колотилось так, что удары отдавались в шее и висках. И Костя почувствовал, что лицо его краснеет.

«Но как же так произошло? Ещё недавно она была просто Снигирёва. А теперь? Теперь я люблю её».

Он не мог отвести от неё взгляд, и Татьяна вновь посмотрела на него.

– Ты чего? – спросила она.

Костя пожал плечами и ответил:

– Ничего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Татьяна ждала Родионова у выхода из манежа. Обычно домой они возвращались вместе. В холле было душно, и поэтому она вышла на свежий воздух.

Небо было почти чёрным, и вдоль дороги уже загорелись фонари. Накрапывал мелкий дождь со снегом, и ветер нёс с моря холод и влагу. После тренировки на Таню набрасывалась дикая усталость, и эта вечерняя морось была как нельзя кстати. Она поправила сумку на плече и застегнула куртку.

Из спорткомплекса вышли ребята. Алексей попрощался с друзьями и подошёл к Татьяне.

– Ну что, пойдём? – спросил он.

Она улыбнулась в ответ, Лёша взял её сумку, и они направились к остановке.

Тане нравилось, когда они возвращались домой вместе. В эти минуты на душе у неё становилось хорошо и спокойно. Иногда она ждала конца тренировки только лишь для того, чтобы оказаться с ним наедине.

А потом автобус вёз их по проспекту. Гул мотора и периодические остановки усыпляли, и Таня боролась с дремотой. Она поглядывала на Алексея, а он, положив руки на сумку, смотрел в окно. Временами по его лицу пробегал оранжевый свет, черты углублялись, и тогда лицо Лёши делалось таинственным и незнакомым. Но очередной уличный фонарь

оставался позади, и за оранжевой полосой наползала тень, и выражение его лица вновь становилось обыденным и привычным.

Они были знакомы уже очень давно. Так давно, что находясь рядом, могли подолгу молчать. Иногда Тане казалось, он её брат, а иногда, что будущий муж. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Она уже привыкла, что Лёша всегда был рядом. И ей казалось, она любила в нём буквально всё. Любила его широкие плечи и сильные руки. Любила его непослушные волосы, которые после тренировки стояли торчком. Любила его глаза, цвет их был непостоянным: иногда они казались серыми, иногда зелёными, но всегда Татьяна видела в них уверенность. Она любила его и считала идеалом. В спорте ему сопутствовал успех. На зимнем чемпионате он занял первое место, и тренеры говорили, что он может попасть не только в сборную области, но и в сборную страны. В школе его любили учителя, он прилежно учился и неоднократно ездил от школы на олимпиаду по математике. Его отец был архитектором, а мать преподавала музыку, так что его семья резко выделялась на фоне Таниных знакомых. Лёша всегда был предельно вежлив и мягок в общении, а его уравновешенность порой доходила до невозмутимости. И Татьяне казалось, что за этим кроется духовная сила, а главное, у неё складывалось впечатление, что Алексей пройдёт по жизни с этим уверенным взглядом, и всё у него будет благополуч-

но. Его широкие плечи вынесут любые трудности, а сильные руки будут дарить только нежность и ласку.

Ощущение благополучия притягивало её. Потому что она уже так устала от дебошей отца, устала от его ежедневных посиделок с друзьями. Ей хотелось вырваться из этого душного мира! Забыть этот город! Забыть проблемы, ругань, грубость!

Татьяна часто мечтала о том, как уедет с Алексеем и как они будут жить вместе. Она тешилась надеждой, что она ему тоже нравилась. Неспроста же он возвращается домой вместе с ней! Бросает ребят! Несёт её сумку! Она ждала и надеялась, что когда-нибудь он посмотрит на неё своим невозмутимым взглядом и скажет:

«Ты знаешь, Тань, а ведь я люблю тебя».

И тогда она будет самой счастливой девушкой на свете!

Татьяна мечтательно вздохнула и, вернувшись из грёз, посмотрела на Лёшу.

– Я в колледж звонила, – сказала она.

– И что? – безучастно спросил он.

– Экзамены в июле.

– Понятно.

– Лёш, а ты не передумал?

– Нет.

Он по-прежнему смотрел в окно, и Тане захотелось прильнуть к нему, положить голову на его плечо – и чтобы автобус никогда не останавливался!

От остановки они шли до перекрёстка, а потом их пути расходились. Эту минуту Татьяна не любила сильнее всего. Но сегодня, когда она хотела взять свою сумку, Лёша убрал руку. Она подняла взгляд и увидела, что он улыбается. Она потянулась к его руке, но он вновь её отдёрнул.

– Отдай! – с улыбкой сказала Таня.

– Не-а.

– Ну Лёшка!

Татьяна сделала ещё одну попытку завладеть сумкой, но тщетно.

– У меня и так сил нет. Давай!

Конечно, ей не хотелось идти домой, и Лёше, видимо, тоже. И Таня почувствовала себя счастливой.

– Слушай, – вдруг серьёзно сказал Алексей, но, не договорив фразы, замолчал.

Он опустил взгляд и закусил нижнюю губу. По его лицу было видно, что он собирался сказать что-то для него важное, вот только не мог решиться на это.

Татьяну охватило волнение.

«Неужели он сейчас скажет?! – подумала она. – Неужели признается?!»

Она напряженно смотрела на Алексея, а он не поднимал взгляд.

– Слушай, Тань.

«Ну! Говори же!» – кричала она в душе.

Ей хотелось кинуться ему на шею, но она сдерживала се-

бы, и сердце бешено стучало в груди.

– А ты что с Элей редко общаешься? – спросил Лёша.

«При чём же здесь Эля? – растерянно подумала Таня. – Когда он должен был сказать совсем другое!»

– А что? – проговорила она.

– Да я вот подумал, может, мы втроём куда-нибудь сходим.

Татьяна чувствовала, что не хочет слышать ответ, но всё же спросила:

– Почему втроём?

– Я давно её хотел куда-нибудь пригласить, – ответил он, – да боюсь, она мне откажет. А так вроде бы вы вдвоём. Ну и я заодно.

Он улыбнулся и добавил:

– Я же твой друг.

Слово «друг» оскорбило и причинило боль, но Татьяна всё же не хотела верить, что Лёша его произнёс.

– Ты думаешь, что говоришь? – спросила она.

– Я всегда думаю, что говорю.

Татьяна смотрела на него, гадая. Шутит ли он? Издевается? Или он действительно не понимает, что происходит? Но он был как всегда спокоен. И эта невозмутимость Татьяне показалась жестокостью.

– А ну отдай! – сказала она и вырвала сумку из его рук.

– Ты чего? Тань, – проговорил он.

Но она не ответила и пошла прочь.

«Всё это время я была только другом! Он не любит меня! Не любит!» – думала Татьяна.

Она пошла быстрее, а потом и побежала.

Её охватило дикое, беспощадное горе. Ей захотелось кричать. Кричать до хрипоты, до ора! Хотелось упасть на землю и биться в истерике! Сердце зажгло так, что Тане казалось, она умирает. И она мчалась, будто это был её предсмертный бег. Но вскоре агония сменилась бессилием. Дыхание её сбилось, ноги стали словно ватные. Мир показался тесным и беспросветным, и Таней овладел страх.

«Боже, мама, где ты? Мамочка, как же мне больно! Как же ты мне нужна! Помоги мне! Куда деться? Куда?»

Она вбежала в свой подъезд и перед дверью в квартиру остановилась. Потом села на ступеньки и заплакала.

Через какое-то время щёлкнул замок, дверь открылась, и на лестничную площадку вышла пожилая женщина. Нина Васильевна была не только Танина соседка, но и её классный руководитель.

– Танюша, ты плачешь? – спросила она. – Что случилось?

– Ничего. Всё нормально, – ответила Татьяна и вытерла слёзы. – Просто устала.

Она не хотела нагружать её своими проблемами, потому что та была ещё очень слаба. В прошлом месяце Нина Васильевна перенервничала из-за ученика и оказалась в больнице. И до сих пор она ещё не поправилась. Так что Татьяна всячески за ней ухаживала.

«Ещё не хватало, чтобы она из-за меня переживала», — подумала Таня.

Нина Васильевна почувствовала, что та не хотела говорить, — и не стала допытывать её.

Таня поднялась со ступенек и достала ключи.

— Я к вам завтра зайду, — сказала она.

— Спасибо тебе, Танечка, — проговорила Нина Васильевна.

Татьяна вошла в прихожую. В коридоре валялась чужая обувь. Из кухни доносились мужские голоса и грубый смех. И это означало, что к отцу опять пришли друзья, и Таня опять осталась без ужина и нормального сна. Она сняла кроссовки, повесила куртку на вешалку и ушла в свою комнату.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наутро Таня проснулась в дурном настроении. На душе было тягостно и скверно, будто вчера она совершила неудачное самоубийство, а сегодня снова надо было жить. Она решила, что пропустит уроки, но потом вспомнила, что именно сегодня по химии предстояла контрольная.

«Странно, – подумала она, – жить не хочется, умереть готова, а вот пропустить контрольную не могу».

Таня умылась, сделала зарядку и, как обычно, вышла на пробежку. И когда она вдохнула утреннюю свежесть, на душе у неё стало легче. Она даже на миг задумалась, а не привиделся ли ей вчерашний вечер. Ей показалось, что вот пойдёт она в школу, увидит своего Лёшку – и всё будет как прежде!

«Нет, как прежде уже не будет, – вдруг ужаснулась она. – Никогда уже не будет! Боже, зачем я открылась ему, зачем убежала! Ведь теперь он знает, что я его люблю! И теперь... какая может быть дружба?»

Татьяне стало не только больно, но и стыдно.

«Как же это глупо... могла же стерпеть, смолчать!»

Всё утро она терзалась мыслями и надеялась, что сегодня Алексей не придёт на занятия.

«Пусть бы заболел, прогулял! Только бы не сегодня смотреть в его глаза», – думала Татьяна.

Но случилось не так, как она хотела. У школы Лёша догнал её.

Какое-то время они шли молча. Её никогда не тяготило молчание рядом с ним, а вот сейчас оно было невыносимо.

– Тань, ты извини меня, – наконец проговорил он, – я вчера, наверное, что-то не то сказал.

– Да нет, – произнесла Татьяна, – это я... видимо, перетренировалась.

– Значит, всё нормально? – обрадовался Лёша.

– Вроде бы да, – она сказала это неуверенно, не то утверждая, не то спрашивая.

– Вот и отлично! – Лёша улыбнулся. – Значит, погуляем втроём?

Татьяна подняла взгляд. Она хотела увидеть в его глазах ответ, почему же он так с ней жесток? Но Алексей просто-душно улыбался.

«А ведь он так ничего и не понял», – подумала она, и от этой мысли на душе стало тягостней прежнего.

– Эля моя подруга, – сказала она.

– И что?

– Поэтому не погуляем.

– Да что в этом такого? Мы с тобой друзья, Эля мне нравится, – начал рассуждать Лёша.

– Вот пойди это ей и скажи!

Элю они встретили у гардероба, та поцеловала Татьяну в щёку, потом посмотрела на Алексея и сказала:

– Ну что, Лось, как поживаешь? К контрольной готов?

И Таня увидела, как его уверенность вмиг улетучилась, а щёки покрылись румянцем.

Лёша смущенно улыбнулся и проговорил:

– Конечно.

О контрольной думали и Костя с Лопуховым. Они подходили к школе.

– Чего делать-то будем? – спросил Дима. – Может, всё-таки не пойдём?

– В первый раз что ли! У кого-нибудь спишем, – успокоил его Костя.

Начался урок. Вера Петровна записала на доске условия задачи и сказала:

– Значит так, перед тем как приступить к контрольной, повторим тему. И решит задачу...

Она оглядела класс и остановила взгляд на Косте.

– Александров, к доске!

Лопухов пригнулся к парте и беззвучно засмеялся.

– А почему я? – спросил Костя.

– Потому что ты пока ученик этого класса.

Константин вышел к доске и взял мел. Вера Петровна тем временем отмечала в журнале присутствующих.

– Ты не молчи, комментируй, – через некоторое время проговорила она.

В классе раздалась смешки. Учительница оглянулась и увидела, что Костя так и не притронулся к доске.

– Александров, ты меня поражаешь день за днём! Даже такую простенькую задачку не можешь решить, – сказала она. – Как ты думаешь писать сейчас контрольную?

– Уж как-нибудь напишу, – проговорил Костя.

– Как-нибудь спишешь! – сказала Вера Петровна. – И что ты за балбес-то такой!

Она произнесла это с таким тоном, будто он был и вправду умственно отсталый. И Костю это задело.

– А почему вы позволяете себе такие высказывания? – спросил он.

– Да потому что я целый год перед тобой распинаюсь, а тебе хоть бы что!

– Так это ваша работа – распинаться. Вам за это платят.

– Мне платят за то, чтобы ты стал образованным человеком!

– И что, для этого я должен разбираться в солях аммония?

– Обязан! Как ученик ты обязан! – Вера Петровна повысила голос, но сразу же пресекла себя. – Ладно, у нас ещё контрольная.

Она помолчала, успокаиваясь, а потом сказала:

– Хоть ответь мне, что такое аллотропия?

«Сдалась мне эта аллотропия!» – подумал Костя.

Вместо того чтобы отвечать на вопрос, ему хотелось послать Веру Петровну куда подальше, но он только вздохнул

и оглядел класс.

Кто решал задачу, кто просто ждал начала контрольной. Лопухов потешался над ним, изображая смех и указывая на него пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.